

Но на следующий день меня ждало новое испытание, возможно, даже более тяжелое, чем Испытание Защитников. Свет увидел новый номер «Дименшнс Таймс».

Таким образом, проблем у меня, Барбары и Ван Райана существенно прибавилось.

Началось все с того, что на мое утреннее приветствие никак не отреагировала мисс Мейер, а Донна лишь скупно кивнула головой. С победой в Испытании никто меня поздравлять не торопился. Завтрак прошёл в гробовой тишине, и даже хозяйка поместья не проронила ни слова. Один только Кроу с ехидцей улыбался. Имею подозрение, что он был как-то причастен к появлению в статье некоторых фактов. Но вместо того, чтобы подлавливать его и организовать допрос с пристрастием, я сидела за столом и сосредоточенно жевала тост, запеченный с яйцом.

После завтрака я решила скрыться ото всех в своем зале. Побродив по нему с полчаса, я поняла, что либо протопчу проход на нижний этаж, либо у меня закружится голова. И с плеером вылезла посидеть на крышу.

Перед этим я досыта успела наслушаться Соньких воплей и опасений о том, как я его уроню с крыши. Прошел час, за ним — второй и третий. Даже музыка сегодня не могла хоть сколько-нибудь поднять настроение.

Зевая, я сняла наушники. Пойду, что ли, к себе в комнату... Посижу, прочитаю новости в интернете про то, как и чем сейчас живут нормальные люди.

Спустя пару минут я уже закрывала зал, при этом пытаюсь насвистывать себе под нос главную тему из мюзикла «Эвита» — «Не плачь по мне, Аргентина». Как вдруг меня прервал внезапный грохот.

Я резко посмотрела в сторону источника шума. Посреди коридора с широко расставленными ногами, словно готовясь на меня наброситься, стояла Бри Филдс. На полу рядом с ней валялись учебники. Кулачки девушки в ярости сжимались и разжимались.

О, нет! Ей же нравится Ван Райан. И ее агрессивное поведение могло означать только одно — она уже в курсе написанного в «Дименшнс Таймс».

— Вы! — она обвиняюще ткнула пальцем в меня. — Вы были такой милой со мной, а оказались подлой, отвратительной женщиной!

Уголки губ девочки разъехали в стороны, обнажая крепко стиснутые зубы. И так же неожиданно по ее щекам потекли горячие слёзы. Закрыв лицо руками, Бри круто развернулась и побежала по коридору прочь от меня, совершенно забыв про свои учебники.

Я видела, как трясущимися руками она пытается попасть ключом в замочную скважину, и когда дверь всё же поддалась, девушка быстро исчезла за ней.

После пережитой неприятной ситуации мои мысли медленно начали расстановку по своим местам. Подойдя к раскиданным учебникам, я присела и со вздохом начала их собирать. Что делать не знаю, но все это я просто так не оставляю... На празднике, во время выступления, я расскажу часть своей истории, а там пусть каждый решает, хочет он мне верить или нет.

В этот момент боковым зрением я заметила, как неподалеку от меня остановились две пары ног. Постаравшись натянуть на лицо маску безразличия, я поднялась с пола, держа учебники перед собой. Так и есть, за мной внимательно наблюдали Чак и Нил. Пользуясь возможностью, мне необходимо было уточнить одну вещь:

— Ребята, а вот та дверь, это случайно не комната Бри? — да, спросила без «здрасьте», потому что не рассчитывала услышать ничего приятного в ответ, особенно в связи с последними событиями.

— Она самая, — кивнул Чак.

— А, ну, спасибо, — на ходу бросила я, мысленно прикидывая, как с меньшими потерями оказаться внутри.

— Глупая девчонка! — с грустью произнес подросток; я так и встала. — Разве можно верить газете, из которой в последние годы ушло столько непредвзятых репортеров...

Что это значит? Крайне удивленная, я развернулась к мальчикам.

— Вы что же, на моей стороне?

— Ну, я точно, — белозубо улыбнулся Чак Уандер.

— Интересно, почему?

— Видите ли, — несколько нагловатым тоном начал все тот же оратор. — У меня есть определенная теория... Вы не похожи на тот тип карьеристок, на который недвусмысленно намекается в статье. Вы явно не похотливая карьеристка. Вы больше похожи на фригидную карьеристку...

Что стряслось с моим лицом — мне неизвестно, но, судя по смешку Уандера, на нем появилась какая-то совершенно нелепая гримаса.

Чувствовалось, как моя грудная клетка увеличилась в объеме во время вдоха. Перехватив учебники поудобнее, я приняла ту же позу, что и Бри недавно, и так же вытянула указательный палец.

— Будь ты совершеннолетним, я бы тебе доказала ошибочность твоего последнего утверждения! Да еще так доказала, что ты молил бы о пощаде! — я перевела дыхание. — А теперь — чтоб духу вашего здесь не было через три минуты, а то я за себя не отвечаю!

Вся распираемая от злобы, после нанесенного мне оскорбления, я, гневно вышагивая, направилась к комнате Бри.

— А в каком смысле, за себя не отвечаете? — полетело мне вдогонку.

— ВО ВСЕХ! — демонически сверкая глазами, уставилась я на мальчишек через плечо.

Угроза получилась настолько натуральной и беспощадной, что Нил от волнения сделал шаг в сторону и врезался в своего приятеля. Чак, тем временем, нервно сглотнул.

И пока пацанва разбредалась по комнатам, я уже стояла под дверью Бри. Так вот почему они в тот раз заметили открытый зал — их комнаты располагались на третьем этаже.

— Уходите! — слышалось из-за закрытой двери. — Учебники я заберу позже.

— Бри, это я...

Некоторый опыт выслушивания чужих проблем и экстренной психологической помощи за плечами у меня имелся.

Все дело было отнюдь не в каком-то исключительном уме или выдающейся мудрости, просто отсутствие рядом с собой партнера никогда не превращало мою жизнь в трагедию, только и всего. В отличие от очень многих девушек.

— А вы тем более уходите! — еще более взвинчено огрызнулась девушка.

Кто сказал, что меня остановят закрытые двери? Пальцы осторожно обхватили круглую дверную ручку.

Мое вторжение в комнату встретили визгом и киданием подушек. Когда подушки кончились, мне, наконец, удалось оглядеться. Комната была лишь несколько меньше моей и выглядела куда как более уютно. В ней чувствовалось нечто, говорящее о характере её хозяйки. Стены затянуты бледно-голубым шелком с нежными фиолетовыми цветами. Окна зашторены таким же бледно-голубым тюлем до пола с украшениями в виде бабочек. Белая, с позолоченным декором мебель, выполненная в стиле барокко, изящный секретер, белый ковер с глубоким ворсом и полуторная кровать со светло-розовым пологом окончательно убедили меня, что я попала не иначе как в покои маленькой принцессы. Не могу поверить, что это комната ребенка простого садовника. И тут перед моим мысленным взором возник образ по-доброму улыбающейся Барбары. Ну, конечно, такой человек не делает разницы между собой и прислугой. Не удивлюсь, если она лично помогала в создании этого романтического интерьера.

На этой самой кровати, уткнувшись лицом в лиловое покрывало, лежала Бри Филдс. Глядя на нее, мне на ум приходило только одно: как же она беззащитна в своей юношеской наивности.

Бри повернула голову, чтобы посмотреть на меня. В ее заплаканных глазах плескалась непередаваемая смесь обиды, боли и чего-то похожего на ненависть.

— Убирайтесь! — слабо закричала девочка. — Как вы вообще сюда вошли? Замок защищен магией...

— Ну, я как-никак один из лучших агентов ФБР, — скорее один из худших демонов, но на такие фокусы моих сил вполне хватает. И с немного виноватой улыбкой я присела и опустила книги на пол, ставя их аккуратным столбиком.

После упоминания ФБР лицо Бри ещё больше исказилось от терзающих её чувств, потому как ей напомнили о моем мнимом «преступлении». Она, всхлипнув, отвернулась от меня.

Я подошла и присела на край кровати.

— Бри, чтобы ты ни думала сейчас, правда в том, что между мной и мистером Ван Райаном никогда ничего не было...

— Не надо держать меня за лохушку!

Лохушку? Я непроизвольно хохотнула. Какой знакомый лексикон.

— Никто тебя за неё и не держит.

— Вы продолжаете мне нагло лгать, надеясь, что я поверю!

— Тогда зачем мне приходить сюда? Зачем пытаться сохранить с тобой хорошие отношения?

— А зачем вы по вечерам уходили в лес?!

— Тренироваться.

— Тренироваться можно и в поместье!

— Как бы тебе объяснить... если мы начнем тренироваться в поместье, есть риск, что мы его попросту разнесем, — увлеченно почесывая бровь, я аккуратно улыбнулась. Врать ребенку — нехорошо, но нельзя же ей открытым текстом выложить правду о моей сущности и что опека Ван Райана направлена на то, чтобы её скрыть.

— Не знаю. У вас, взрослых, все сложно...

Крыть было нечем. У меня действительно нет доказательств того, что я не любовница шефа. Придется что-то сочинять на ходу.

— Видишь ли, Бри, у меня в Америке был парень... — и как только у меня язык повернулся назвать Маршала «парнем»?

— Ага, так я и поверила!

— Могу доказать, если ты позволишь мне сходить в свою комнату и принести свой мобильный телефон...

После первого взгляда на мою раскладушку, поток слез Бри заметно иссяк. Вместо этого на её лице появилось удивление. Я сидела перед ней на ковре в кожаных штанах и пиджаке с одной только разницей — корсета под пиджаком сегодня не было, была скромная белая футболка. На барышню с розовым телефоном я походила мало.

— Это подарок... от парня, — сказала я.

— Да, сомневаюсь, что мистер Ван Райан стал бы дарить своей девушке телефон, да ещё и такой, — деловито подвела итог Бри. — И это что, единственное доказательство?

— А ты включи и почитай СМС.

— Я не умею этим пользоваться, — девочка повертела в руках телефон.

— Минуту, — осталось только забрать у неё телефон, самой включить и открыть нужный пункт меню. — Вот! — с показной бодростью произнесла я, протягивая мобильник.

Девочка приняла его из моих рук. Мой маленький «прокурор» взяла очки с прикроватной тумбочки и, придвинувшись к краю, посмотрела на меня сверху вниз.

«Привет, у меня на руках два билета на «Суинни Тода»(1) на эти выходные. Сходим?».

«Сегодня в «Тоннеле» (2) закрытая вечеринка. Мне сказали, чтобы я прихватил тебя с собой. Можешь пригласить Дженнифер, а то ты с ней прямо неразлучна... Просто шутка».

Мои воспоминания, моя жизнь, её фрагменты... Сейчас, слушая, как Бри зачитывает сообщения вслух, мне казалось, что все это было так давно.

В первом сообщении не хватало последнего предложения, в котором Маршал обещал провести меня за кулисы после шоу. Во втором — больше половины содержания (я договорилась с Моти о коррективке по дороге назад). Спонсор просил меня обязательно зайти к Трудि (его знакомая и талантливый костюмер), которая сшила для меня новое платье. А ещё он крупными буквами написал, что я обязана пойти в клуб в этом платье.

— Подожди меня в моей квартире, — продолжала читать Бри. — Буду поздно, но у меня еще хватит сил на...

— Это читать не обязательно! - вспыхнула я и потянула руки к телефону. Всё-таки послышала я дала Моти неоднозначный. Развращу, понимаешь, ребенка, и тогда мистер Филдс меня по головке не погладит.

Девочка не удержалась и захихикала. Лишь бы не сглазить, но, похоже, лед тронулся.

— Вот смотри, — тут же продолжила реабилитироваться я, пролистывая перед её лицом адресную книгу телефона. — Здесь нет телефонного номера моего босса...

— Можно подумать, мобильный телефон единственное средство связи. К тому же, он может быть записан под фальшивым именем...

А она умна и совсем не так уж наивна, как может показаться.

— Просто посмотри внимательно на мое лицо, — и скорчила рожицу. — Сомневаюсь, что мужчине, прожившему столетия, оно покажется интересным. Да и ростом я не вышла...

— Зато у вас хорошая фигура. — Парировала девочка. — А косметика может подчеркнуть красоту любой женщины...

О, Боже! Она издевается? До модели мне, как пешком до Китая или вплавь до Австралии.

— Зато манеры страдают.

— Глупости, предпочтения меняются! В нынешние времена мужчины хотят стерв...

Чего она перечитала, что у неё сформировались такие взгляды? Не иначе, как гламурные журналы существуют во всех мирах... Сосредоточенно почесывая затылок, я старательно пыталась найти новые аргументы.

— И вообще, вы могли встречаться с ними параллельно. — Снова припечатала меня к месту девочка своими заявлениями.

— Вот уж чего бы я ни стала делать точно — так этого. — Смеясь, я повалилась спиной на ковер.

— Да ладно, — на меня посматривали с хитрым прищуром из-под полуопущенных ресниц.

— Серьезно, — уверенно кивнула я лежа. — Для меня это дело принципа. Я не начинаю одних отношений, не закончив прежние.

И это действительно было так. Все мы разные — и мужчины, и женщины... Причина моих убеждений проста — я не хочу стать той, из-за кого какой-нибудь неплохой парень потеряет доверие ко всему женскому роду.

— Что я должна сделать, чтобы ты мне поверила? — закинув под голову руки, любопытствовала я.

— Ну, поклянитесь для начала, что между вами ничего не было...

Снова приняв сидячее положение, я вытянула одну руку, а вторую выставила вперед, как будто кладя на Библию. Интересно, а положи я на самом деле руку на Библию, что бы со мной стало?

— Клянусь!

Бри заёрзала на месте. Она уже успокоилась и не собиралась внушать ужас, как раньше.

— Нет, я, конечно, сделаю вид, что поверила, но неужели вы с ним даже не целовались?

Все в той же позе свидетеля на суде я отрицательно помотала головой. Хотя в этот момент в памяти начали всплывать довольно занятные картинки относительно недавнего прошлого. Сначала первая тренировка в лесу, потом «принятие» ванны, потом помощь при недомогании... И в голове роилось множество мысленных вопросов, общий смысл которых сводился к... Не-е-ет, нет и еще раз нет! Я о нём так не думаю. Я вообще о нём не думаю, за редким исключением.

— А мне бы хотелось попробовать... — мечтательно положив руку на сердце, девочка закрыла глаза.

У меня губы разошлись в непрощеной улыбке. И это была горькая улыбка. Потому что однажды, много лет назад, я сидела перед Джен с точно таким же видом. Только объект моих желаний был человеком.

— И еще, — Бри очнулась и, требовательно глядя, мне в глаза, сказала, — пообещайте мне, что вы не влюбитесь в Драйдена...

— Запросто!

— Как? Неужели так легко? — рот девочки приоткрылся от удивления. Для неё это было чем-то абсолютно непостижимым.

— Мне не нравится чувство влюбленности, — я пожала плечами. — Для меня это как сумасшествие, или лучше сказать головокружение, которое никак не прекращается, когда ты теряешь контроль над собой. Ревность, собственнический инстинкт, словно ты одержим человеком и... Скажу тебе по секрету, — Бри непроизвольно наклонилась ко мне, но я, как актриса, выдержала паузу и прошептала ей на ухо, — Мистера Ван Райана я терпеть не могу.

— Оу... — казалось, что смысл этой фразы для неё непостижим, но она спохватилась и вернулась к прежней теме про влюбленность. — А как же ваш парень в Америке?

— Мой отъезд сюда означал разрыв наших отношений... — я видела, как глаза девочки расширились, будто я говорила о каком-то случившемся катаклизме, но она молчала. — Он был простым человеком из этого, Первичного мира, и не знал ни кто я на самом деле, ни чем занимаюсь...

— Печально... — протянула Бри, вроде бы искренне и шмыгнула носиком.

— Кажется, у меня где-то был платок... — я принялась копаться в карманах пиджака и действительно наткнулась на платок, правда, вовремя вспомнила, что он был «шефский», о чем свидетельствовала монограмма. Думаю, не стоит давать его Бри, а то все мои белыми нитками шитые оправдания полетят к чёртовой бабушке.

— Извини, я ошиблась — платка нет...

Разговор был окончен. Окончен на нескольких теплых незамысловатых взаимных пожеланиях ребенка и большого ребенка. С него прошло немало времени, но я всё ещё стояла у окна в паре шагов от своей комнаты.

Бри, я могла бы рассказать тебе сказку о маленькой девочке, которая немного странно воспринимала мир — нет, не так — которая совсем его не воспринимала, пока её не научили. И про то, как эта девочка влюбилась в прекрасного принца гораздо старше неё. А затем... девочка выросла.

Эту же сказку я могу рассказать по-другому, и она уже перестанет быть сказкой. Жила-была тринадцатилетняя девушка. Условно назовем её, скажем, Крис.

Мужчина, в которого она влюбилась, был самым симпатичным программистом из тех, что ей приходилось когда-либо видеть. У него была жена и дочка, ходившая в ту же школу, что и Крис. Его дочери повезло, он был одним из тех отцов, что всегда встречают детей из школы,

помогают классу, ходят на отчетные концерты, балуют и много чего ещё. Два года... Два года взглядов украдкой, два года тайных мечтаний, разделенных только с лучшей подругой, и, наконец, два года нарастающих, захватывающих, как ураган, новых неизведанных ранее желаний. Всего лишь гормоны. Всего лишь подросток... Однажды девушка смирилась с невозможностью и неправильностью её чувств. И на первых же домашних вечеринках однокашников принялась растрачивать свою невинность направо и налево. Зачем? Быть может, она лишь хотела заставить себя смотреть на жизнь проще и не искать в ней чудес, научиться жить в действительности без прикрас? А, быть может, просто почувствовать себя красивой и желанной? На эти вопросы она и по сей день не знает ответ.

Я могла бы рассказать тебе всё это, Бри, но я никогда этого не сделаю.

Утром следующего дня мне снились звуки электрической соло-гитары. Солнце сегодня было какое-то паранормально яркое. Из кровати я вылезала с большой неохотой; опять предстоит очередной тур кривых и косых взглядов.

Итак, зубную щетку в зубы, полотенце на плечи и вперед до ванной комнаты. Вот только в ванной я как всегда не осталась. По привычке выдавив из тюбика достаточно пасты и положив щетку в рот, я медленно поплелась на свой утренний «пост» у окна в коридоре.

И вдруг наяву до моих ушей долетели уже знакомые аккорды, а потом к ним присоединились басы, ритм-гитара и ударные. Не веря вышеназванным, то есть ушам, я кинулась к ближайшему окну.

Мои глаза округлились от возбуждения и радости, как глаза ребенка, впервые пришедшего в парк аттракционов. На лужайке неподалеку от крыльца стояло два довольно потрепанных фургона, вокруг которых блуждали незнакомые люди. Но самым примечательным было другое — они всё занимались тем, чего я не видела так давно: кто-то настраивал аппаратуру и инструменты, кто-то таскал усилители, колонки и подключал кабели. В одну секунду действительность для меня сузилась до размеров нескольких, будто выхваченных лучами прожектора, вещей. Три гитары, барабанная установка и синтезатор — обычные, совершенно нормальные — такие как те, которые я привыкла видеть и слышать. И, конечно, микрофонная стойка.

Мне показалось на долю секунды, я действительно перестала дышать. А потом, спотыкаясь, метеором понеслась в ванну, чтобы прополоскать рот. В свою комнату я летела ещё быстрее. Переоделась в первое, что попало под руку. Стук пульса в ушах слился в единый непрерывный ритм. Дверь в комнату так и осталась распахнутой настезь.

Когда я уже застегивала пряжку джинсов, стоя посреди комнаты в наспех зашнурованных кроссовках и надетой прямо на майку от спального комплекта олимпийке, то боковым зрением заметила высокий силуэт, возникший на пороге. Ван Райан это или кто другой, мне сейчас

было откровенно все равно.

Ничего не видя и не разбирая дороги, я пробежала мимо визитера. Преодолевая расстояние до лестницы, чуть не упала несколько раз. Окрыленная, я спешила к своей настоящей любви. Любви, которая всегда останется со мной — к музыке.

Пересекая холл, едва ли не чертя носом по «шахматному» полу, я чувствовала разбегающееся по венам экстатическое удовольствие. Возможно, так себя ощущает спринтер в крупном соревновании, только что понявший, что пришел к финишу первым.

— Дамочка, стойте! — уже у фургонов мне преградил дорогу крупный небритый молодой мужчина с гитарой наперевес. — Вы куда так спешите, как маньяк, сбегаящий с места преступления?

Пополам согнувшись в пояснице, я старалась выровнять дыхание и из своего положения протянула руку для рукопожатия.

— Кха-кха, думаю, маньяк, спешащий на место преступления, будет более правильным определением. Шучу, я — агент Йорк...

— М-да, трудно поверить, что вы имеете к ФБР какое-то отношение, — после минутной паузы изрек неизвестный гитарист.

Я подняла глаза. Мужчина был одет в потертые голубые джинсы и футболку с карикатурным изображением двух человечков с кружками пива. Под футболкой проглядывался и немаленький пивной животик. На голове у него был форменный беспорядок светло-русых волос с почти блондинистой челкой, торчащей в разные стороны. И у него было такое до боли знакомое произношение, которое часто называют «американской жвачкой». После месяца в окружении людей, говорящих с английским акцентом, я успела соскучиться.

— Мне тоже трудно поверить, что вы имеете отношение к ФБР, — ответила я колкостью на колкость.

Мужчина рассмеялся.

— Я, в отличие от вас, действительно не имею к Бюро никакого отношения. Зато отношение к ФБР имеет вот она... — он отступил в сторону, открывая мне обзор на других музыкантов.

Махом руки он указал на крупную девушку среднего роста. Девушка как раз провела пальцами по струнам гитары, из которой в тот же момент родилась часть мелодии авторства Карлоса Сантаны. Я широко открыла рот. Так это её игра настигла меня во сне.

Одежда гитаристки соответствовала образу госслужащей: белая блузка с чёрным галстуком, чёрные брюки и простые строгие туфли без каблуков. А вот насчет прически я не была так

уверена. Короткие пепельно-каштановые волосы разбавляли мелированные «пёрышки». Ещё одной особенностью причёски были длинные пряди на затылке.

Поняв, что её с любопытством изучают, она прекратила играть и подняла голову, тут же машинально поправив стильные квадратные очки в крупной оправе. Густые брови сошлись на переносице. На меня девушка посмотрела тяжелым взглядом.

— Здравствуйте, агент... э-э-э, — приветственно помахала я ручкой, зажмуриваясь от снедающего меня стыда.

— Курсант Холли Фокс. Всего лишь курсант, — поправила девушка. У неё был ярко окрашенный с низкими нотками голос. — А ты, Саймон, что там делаешь? Никак клеиться пытаешься?

— Клеиться к... подопечной главного «зубастика» страны? — Саймон комично развел руками.
— Я пока еще в своём уме...

Мне отчетливо показалось, что вместо «подопечной» мужчина хотел употребить какое-то другое слово, но вовремя одумался. Я выпрямилась. Где-то в сознании степень дружелюбности заметно убавилась.

Саймон отошел от меня и приблизился к Холли. В этот момент из-за другого фургона показалась еще одна участница группы. Высокая девушка в темно-синем джинсовом костюме, состоящем из брюк-клеш и легкой курточки.

Куртка была расстегнута, демонстрируя светлую стрейчевую футболку с логотипом группы «Led Zeppelin». Несмотря на то, что ее фигура далека от модельной, в девушке была женственность и легкость. Короткая стрижка, также как и у соучастницы бэнда, но с высоким затылком и уложенная таким аккуратным и изящным образом, каким далеко не каждый сможет уложить. Теплого цвета, золотисто-медовые волосы как нельзя лучше подходили лицу с мягким персиковым оттенком кожи, на котором светился задор. Улыбка была приятной и открытой, создавая на щеках очаровательные ямочки.

Она постучала по закрытой дверце фургона.

— Ленни, Дин, вылезайте, пришел наш поющий агент! — несмотря на то, что она говорила быстро, у нее получалось вкладывать иронию в каждое произносимое слово. И это была не злая ирония.

Металлическая дверца отъехала в сторону. Сперва из фургона показались длинные ноги в джинсах и ковбойских сапогах. Потом наружу вылез парень, довольно худощавый, даже тощий, что было хорошо заметно, так как одет он был в черную майку. Кожа очень светлая, лицо вытянутое, нос тонкий с небольшой горбинкой. Волосы волнистые, густые, тёмные, почти чёрные. Прическа была короткой, дополненной бакенбардами.

В зубах он картинно зажимал дымящуюся сигариллу, правой рукой держа бас-гитару за гриф. Левой же басист почесывал затылок. Сзади его кто-то пнул и тот по инерции окончательно отскочил подальше от фургона.

— Ты что, ..., делаешь! — хрипловатым баритоном, граничащим, как ни странно (под стать инструменту?) с басом, ругнулся брюнет через плечо. Тем временем, появился ещё один парень — блондин с длинной, обрамляющей лицо, челкой, одетый в мешковатые серые штаны и черную футболку с капюшоном. Он выглядел как возмужавший мальчик из бойз-бэнда.

— С дороги уйди! — послышалось в ответ не менее колоритным голосом. Басист осмотрелся вокруг довольно меланхоличным взглядом и, не реагируя на меня, с видимой апатией отправился подключать гитару.

— Давайте начнем, — примирительно заговорила светловолосая девушка, вставая за клавиши и разминая пальцы.

— Пусть сначала споёт, — недоверчиво посмотрела на меня курсант Фокс.

Я инстинктивно перевела взгляд на микрофон, будто специально отставленный подальше от музыкантов и сделала шаг к нему.

— Без микрофона, — уточнила гитаристка.

Я закрыла глаза и сжала кулаки. Ничего не поделать — такая уж у меня теперь поганая репутация, что меня не желают воспринимать всерьёз. Я даже не сразу поняла, что уже пою...

Every finger in the room is pointing at me

I wanna spit in their faces...(3)

«Но я боюсь того, к чему это может привести» — И я действительно этого боюсь.

Тори Эймос (это её песня) – потрясающая рыжеволосая певица, пианистка и женщина, прошедшая через сексуальное насилие. Я часто пела песни из её раннего репертуара, и всегда мне казалось, что я чувствую что-то неприятное. Точно через пространство и время к твоему горлу тянется чья-то рука. Но чужая боль, когда пропускаешь её через себя, дает силы, окрашивая голос в новые тона.

Заиграли клавиши, и я от смущения остановилась и набралась мужества открыть глаза. Большая часть группы застыла, пялясь на меня. Девушка за синтезатором перестала играть. Конечно, кто мог ждать от «подопечной главного «зубастика» страны» наличия голоса и мастерства исполнения.

— А она хороша. — Вытащив сигариллу изо рта, заметил басист и посмотрел на Холли. — Почти как ты, в день нашего знакомства...

Она натянуто улыбнулась и покачала головой. В ее взгляде читалось: «Заткнулся бы ты!»

Что говорить, я не знала и поэтому просто стояла молча. Тишину нарушил встретивший меня мужчина.

— По-моему, мы все не с той ноги начали. Я — Саймон, отвечаю за ритм-гитару, — с совершенно другой интонацией заговорил он. — Ну, насчет Холли вы поняли. Клавиши — Тэмми, бас — Ленни и Дин — барабанщик, — он поочередно показал сначала на девушку, потом на парня с сигариллой и закончил на блондине. — Музыканты мы все, так сказать, универсальные, но не все профессиональные. Каждый поет и может сыграть почти на всём, из того, что вы сейчас видите. Для нас это хобби еще со школьной скамьи.

— Кристина, можно Крис, — вежливо кивнула я. — Пение — тоже хобби для меня. Просто некоторые близкие мне люди занимаются музыкой.

— Отлич-ч-чно! — Тэмми громко хлопнула в ладоши. — Давайте и мы покажем, на что способны! И с вашим вокалом, Крис, если вы не против?

— Я только за, — похоже, ко мне возвращается недавняя бодрость.

Новые знакомые разбрелись по своим позициям. Я подошла к микрофону. Теперь нужно прилично опустить стойку, высоту тут явно выставляли, как для подиумной модели. На Ван Райана, что ли, ровнялись?

Развернуться с микрофоном к группе лицом мне показалось хорошей идеей. Мы только знакомимся друг с другом, нужен визуальный контакт. Но как же здорово просто смотреть на них! Как они переглядываются, делают условные знаки друг другу. Немая сцена выбора песни была забавной: Саймон подначивал Холли сыграть что-то определенное, но она ни в какую не уступала, остальные же без длительных пререканий согласились. Подозреваю, что до моего появления они обсуждали именно эту композицию, раз все, кроме меня понимали, о чём идет речь без слов. И скорее всего ещё мне косточки перемывали, но сейчас это уже не имеет значение.

Девушка то вздыхала, то недовольно поджимала губы, и, в конце концов, изрекла: «О'кей, но если я слажаю, виноват будешь сам!»

Затем Холли повернулась вполоборота, так, чтобы держать в поле зрения Саймона и занявшего место за барабанной установкой, Дина.

— И... три... пятнадцать! — начали ударные, а потом вступили ритм и соло гитары.

Захотелось рассмеяться. Это же песня из «Шрека». «Случайно влюбился» — так она называлась. Моя правая нога автоматически стала притопывать в такт.

Я задумчиво кивнула головой, давая понять, что композиция мне знакома. Прежде чем вступал вокал, там был существенный начальный проигрыш — есть время быстро обдумать детали.

Песня поется от лица мужчины, но я спою её от своего. Требуется лишь заменить пару слов. Надеюсь, мне простят.

Тэмми вовремя сделала мне жест рукой, когда требовалось вступить, чтобы их новоиспеченная вокалистка не «зевала».

So he said "What's the problem, baby?"

What's the problem I don't know

Well maybe I'm in love...(4)

Вокальная партия была не сложной. Её не нужно было вытягивать, и классического исполнения тоже не требовалось. Достаточно просто вкрадчиво петь с определенным настроением, который диктовала лирика — простая, забавная, позитивная.

Я улыбалась и не могла прекратить это делать. Больше никто не смотрел на меня враждебно. Мы все вместе делали одно дело.

Тэмми не только помогала мне бэк-вокалом, но иногда подгоняла меня жестами, потому что у песни был довольно быстрый темп, и петь нужно было отрывисто, словно имитируя речь.

Основой мелодии была соло-гитара и бит, задаваемый ударными и ритм-гитарой. Бас служил аккомпанементом, оттеняющим соло Холли Фокс. И её соло было профессиональным.

Петь сейчас под голубым, как и в песне, небом и ярким солнцем было счастьем. Счастьем, которое я словами выразить не могла.

Дальше я уже не могла стоять столбом. Каждой строчке я подбирала какой-то более-менее соответствующий жест, как правило, подчеркнуто шутливый.

— Well, baby, I surrender... — закатываю глаза, изображая безысходность. — To the strawberry ice cream (5), — прикладываю палец к губам. И да, я уже чувствовала, что перед помещением мы с группой теперь не одни. Несколько человек приближались сзади.

Я больше не могла вести себя сдержанно. Руки обвивают микрофонную стойку, а голос приобрел чувственный окрас. Холли даже повернулась ко мне лицом, не веря происходящему.

— Come on, come on, jump a little higher (6), — и я действительно подпрыгнула, придерживаясь за стойку, будто на реальной сцене.

Курсант Фокс сыграла мимо нот. Но желание до конца отдаться музыке было невыносимым, и моей главной жертвой стала всё та же микрофонная стойка. Как говорит один знакомый музыкант: «...отношения солиста с микрофоном, куда интимнее отношений стрип-танцовщицы с шестом.»

— Accidentally in love (7), — темп замедлился, началась лирическая клавишная часть, во время которой я должна была на разной интонации повторить эту фразу семь раз. Мне об это сообщил на пальцах Саймон, чтобы я не запуталась.

А теперь...

— I'm in love... I'm in love... I'm in love... (8) — это уже не просто слова — в оригинале они звучат как настоящие восклицания о чувствах — их нужно петь так, будто ты сам по-настоящему влюблен.

Моя улыбка стала заразительной.

Каким-то краем сознания даже начинаешь верить, что это твои слова, что это твои чувства. Следуя внутреннему наитию, я выдергиваю микрофон (беспроводной, разумеется) из гнезда, и свободной рукой круговым движением отвожу от себя стойку, а потом вновь притягиваю, воображая себя известной исполнительницей или кем-то подобным. Наверное, меня слишком поглотила атмосфера песни и финальная партия соло-гитары, ревавшей от души в руках Холли.

Ребята доигрывали композицию с заметным удовольствием. Однако радость на лицах начала постепенно затухать.

— I'm in love... — уже в полной тишине выдохнула я в микрофон.

В воздухе продолжало висеть молчание. Все смотрели мне за спину.

— Еще раз доброе утро, господин директор, — почтительно произнесла курсант Фокс.

У меня в горле застрял ком. «А не достанется ли мне за мой выпендреж?» — сообразила я запоздало. Предчувствуя стычку, я повернулась, чтобы встретить то, что меня ждало.

Ван Райан стоял прямо напротив меня, заложив руки за спину. Как это часто бывает, его поза казалась напряженной. На лице «главного зубастика страны» застыла официально-вежливая полуулыбка, но вот что за ней скрывалось...

Немного поодаль от него перешептывающейся кучкой замерли Бри, Нил и Чак. Точно, сегодня же воскресенье — в школу никому не надо. Также на крыльце я заметила хозяйку поместья, а

вместе с ней Донну Уандер.

— Прошу простить меня за то, что прерываю вашу... репетицию, — деловым тоном начал директор Бюро и, мне показалось, будто он щурился на солнце, — но могу я ненадолго похитить вашу новую певицу?

Можно подумать, кто-то из присутствующих станет ему возражать.

Ван Райан направился к поместью, жестом позвав меня за собой. Когда мы уже почти поравнялись с подростками, он круто завернул влево. И только пройдя с десяток шагов, остановился. Я тоже остановилась, но на безопасном от него расстоянии.

— Извини, — тут же начала оправдываться я. — Ну, подумаешь, пара экспрессивных движений с микрофоном...

— Я тебя не поэтому позвал, — даже не разворачиваясь ко мне лицом, произнес он. — Если это всё, что ты можешь, то я уже жалею, что связался с затей подобного рода... И ты, и эти ребята — только и умеете, что валять дурака!

«Ему, наверно, не доводилось видеть, что на сцене творил Сид Вишес(9)...» — подсказал внутренний голос.

Я заметила, как шеф покачал головой.

— Нужно было пригласить струнный квартет, как в прошлом году...

— Чтоб у тебя половина гостей через час начала зевать? — удержаться от едкого комментария не получилось. — Музыка может и должна быть разной, как и её сценическое представление зрителю. В звучании электрических гитар и простых песен нет ничего страшного, если и то, и то талантливо исполнено... Если несет в себе заряд энергии и эмоциональный посыл слушателю, дает ощущение драйва, заставляет соединиться с музыкой... ну и что-то в этом роде. Так ли важно, что делает исполнитель, если это оставляет след в сердцах людей?

Ван Райан повернулся вполборота и пристально посмотрел на меня. А потом он просто прошел мимо, собираясь уйти прочь.

После безуспешной тирады, у меня опустились плечи, словно на них лег тяжкий груз. Но я должна выпрямиться, чтобы петь своим настоящим голосом. Потому что сопрано требует хорошей работы диафрагмой и не только ей, чёрт возьми!

Я уставилась в спину уходящего директора, занимая академическую позу и складывая руки перед грудью в замочек, как оперная дива на концерте в Карнеги-холле. Нет, как будто Кристин Даз, впервые поющая для Призрака.

— Эй ты, Человек в чёрном! А ну-ка слушай сюда!

I dreamed a dream in time gone by

When hope was high

And life worth living

I dreamed that love would never die...(10)

Исполнив половину партии Фантины, я смолкла. Опустила руки и обречённо замерла в ожидании приговора.

— Делай, что хочешь... — безразлично произнес Ван Райан, прежде чем двинуться к дому.

Его отношение меня задело и причинило столько боли, сколько, пожалуй, не причиняло еще ни разу. В последние несколько лет своей жизни, благодаря Джен и множеству других людей, я поверила, что петь — моя судьба.

— Мисс Йорк!

Я часто заморгала, понимая, что обращаются ко мне.

— Да-да...

На меня удивленно взирала Бри. Она стояла, прижимая ладони к груди, облаченная в тёплый бордовый джемпер и плиссированную юбку до колен.

— Вы умеете петь?

— Петь, как и танцевать, как и ходить умеет почти каждый человек — только каждый это делает по-разному. — Ужас, я произнесла эту фразу таким же безразличным тоном, каким часто говорит Ван Райан, и решила исправиться. Теперь я заговорила с девочкой куда как жизнерадостнее. — А в ФБР работа напряженная, и пар выпускать надо, в чем хобби мне и помогают...

— Но вы так хорошо поёте, почти как Дивиния! — восторженно воскликнула Бри.

— Диви... — кто? — не сообразив, тут же переспросила я.

— Как? — теперь меня ждала новая волна всё нарастающего непонимания. — Вы не знаете, кто такая Дивиния?

— Нет... — кажется, мне повезло здорово проколоться в своей легенде на какой-то мелочи.

— Дивиния — это известная певица из Канады, — вдруг в разговор вмешался подоспевший к нам Чак Уандер. — «Её уникальный голос вызывает ассоциации с ключевой водой холодного лесного источника» — так о ней пишет Саманта Стефанис. Дивиния никогда не даёт концертов в Первичном мире, потому что она сама создает музыкальные инструменты при помощи магии и, полностью контролируя их, аккомпанирует себе. Зрелище, говорят, потрясающее!

— А, тогда ясно. Я просто слишком редко бывала в Отделённом мире, поэтому и не помню о ней. — Моя попытка выкрутиться получилась неизящной.

— Надо же, а я думала, что о Дивинии все знают... — с легким оттенком недоумения в голосе произнесла Бри.

— Как видишь, Бри, — самодовольно бросил Чак, — это вовсе не так.

Девочка отвернулась от меня и показала приятелю кулак, а он в ответ состроил обидную рожицу. Воспитатель из меня, конечно, ещё хуже, чем из коровы балерина, но это надо как-то прекратить.

— Всё, довольно! Хватит ссориться, — простонала я. — Мне нужно возвращаться к музыкантам.

— А можно я с вами? — уцепилась за мой локоть Бри.

— Ну, пойдём...

— И я тогда тоже, — снова увязался за нами сын Донны. Я посмотрела назад: Нил тоже снялся с места и с неохотой и большим отставанием поплелся за нами.

Какой бы магической силой они ни обладали — это всего лишь подростки, которым все любопытно, а тут еще группа с настоящей аппаратурой; у большинства их сверстников был бы щенячий восторг, по крайней мере, у тех, что живут обычной жизнью в Первичном мире.

Наше возвращение было тепло принято, совсем не то, что моё первое появление. Поскольку наличием лишней скромности Уандер-младший не страдал, он тут же начал вести разговоры о музыке и неизвестных мне исполнителях с парнями, а потом и вовсе примерил на себя бас-гитару Ленни. А мы все вместе смеялись, когда он попытался на ней что-то сыграть. В этой веселой атмосфере, я не заметила, как ко мне подошли Холли Фокс и Тэмми. Сперва я внутренне напряглась.

— Для агента ФБР и будущего Защитника у вас довольно-таки примечательные творческие способности, — расплылась в благодушной улыбке клавишница. — Что же заставило выбрать такую «силовую» работу?

«Ван Райан, бабушка Барбара и обстоятельства!» — завопил один из маленьких внутренних демонов, родившийся во мне с того момента, когда я потеряла дорогих мне людей и возможность воплотить единственную мечту.

— Потому, что это то, чего я хочу! — хотелось верить, что на лице сейчас было именно то выражение, которое сможет их убедить в правдивости моих слов.

— Наверное, я должна, типа, извиниться, — неловко начала курсант Академии ФБР. — Сейчас я точно вижу, что все многочисленные газетные наговоры всего лишь раздутое преувеличение...

Бри стояла рядом и ловила каждое слово.

— Спасибо, но почему...

— Да потому, что это очевидно, что Большой Босс вас слегка недолюбливает, поэтому вряд ли вы тра....

— Т-сс, — я поднесла палец к губам и кивнула в сторону Бри, давая понять, что при ребенке не стоит так выражаться.

— Ой, да ладно! Я в её годы... — продолжила гитаристка уже тише.

— Давайте как-нибудь обсудим это за кружкой фирменного эля мисс Лорел, а не сейчас, — мои губы растянулись в вежливой улыбке.

Соглашение было достигнуто, Ван Райан не выгнал ребят прочь и неожиданно нашлись люди, поверившие в клевету на меня — что ж, похоже, день удался.

1) Бродвейский мюзикл.

2) Один из самых известных ночных клубов Нью-Йорка.

3) "Каждый палец в комнате указывает на меня,

Я хочу плюнуть в их лица..." (англ.)

4) "И он сказал: "Какие проблемы, детка?"

А что за проблемы, я не знаю.

Ну, может быть, я влюбилась." (англ.)

5) Детка, я сдаюсь... Перед клубничным мороженым. (англ.)

6) Давай, давай, Прыгай выше (англ.)

7) Случайно влюбились (англ.)

8) Я влюбилась... я влюбилась... я влюбилась... (англ.)

9) Басист панк-группы «Sex pistols».

10) В своё время я мечтала,

Когда надежда была сильна,

И жизнь стоила того чтобы жить.

Мне снилось, что любовь бессмертна... (англ.)

<http://tl.rulate.ru/book/20602/430772>